

Павел Иванович Курятников родился в 1962 году в городе Бийске Алтайского края. После окончания Одесского высшего артиллерийского военного училища служил в Германии, в Воронежской области. Более 8 лет нес военную службу в ВВС МО РФ. В настоящее время военный пенсионер, работает на одном из предприятий Борисоглебска. Публиковался в газете «Красная Звезда», региональных изданиях и альманахах. Автор нескольких сборников стихотворений, прозы и сказок. Трижды участвовал в фестивале русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба».

Павел Курятников

НЕНУЖНАЯ ПАССАЖИРКА

Быль

Серега погромче врубил «Радио «Шансон» и от нечего делать стал пялиться на фигуристых студентов, что в пятничный полдень сновали мимо его такси с автобусной остановки к железнодорожным кассам и обратно, желая уехать домой на выходные. «И этот день, как и вся прошедшая неделя, похоже, будет неудачной на клиентов!» — расстроено размышлял Серега. Теперь вся его недельная прибыль вместе с заначками от жены Лидки не окупят ремонта рулевой колонки и замены рулевых тяг! Ни лихих вахтовиков, ни богатых дачников, никакого другого щедрого пассажира Серега, как ни жаль, за неделю не встретил.

Прибыл очередной поезд... Несколько пассажиров сошли с перрона и сразу же нырнули в поджидавшие их машины. «Невезуха!» — вздохнул Серега и вдруг увидел, как по привокзальной площади, растерянно озираясь, семенит к стоянке такси худенькая старуха. Одетая она была в темно-синюю, в черный горошек, сатиновую кофту и в черную же, до пят, сатиновую юбку. На плечах у нее, как пионерский галстук из старых фильмов, была повязана белая хлопчатобумажная косынка. В руках старуха держала нехитрый свой скарб — довоенный фибровый

чемоданчик с окованными облезлым никелем углами да узел из старой, в коричневую крупную клетку, фабричной шали. Длинные седые волосы старухи были заколоты сзади отполированным щербатым костяным гребнем.

«Эта бабка точно из музея сбежала!» — подумал Серега, наблюдая, как та тяжело уселась на свой чемоданчик перед стоянкой такси. Других пассажиров явно не ожидалось, и Серега, лихо рванув с места, подкатил к старухе: «Куда тебе, бабуля?» — «Да мне в Северный микрорайон надо! — прошамкала та беззубым ртом и извиняющимся тоном добавила: — А автобусы тут не ходюют?» — «Ходюют, ходюют! — успокоил ее Серега, запихивая бабкин скарб в багажник. — Только трамваев с троллейбусами нет!»

Выруливая по разбитым проулкам от привокзальной площади, он украдкой в зеркало рассмотрел свою пассажирку: бледное, с глубокими морщинами лицо, красные воспаленные веки и слезящиеся глаза. Голова бабки произвольно качалась временами из стороны в сторону, как будто она про себя спорила с кем-то и не соглашалась. Кончиками застиранной косынки пассажирка, непонятно зачем, постоянно вытирала уголки своих серых морщинистых губ. «Лет за восемьдесят, точно», — мысленно подытожил Серега. Вскоре подъехали.

— Какой дом? — уточнил он у старухи.

— Да то ли симнасаый, то ли восимнасаый, — неуверенно прошепелявила пассажирка.

«Надо же, — удивился Серега, — кому-то из моих соседей “счастье” привалило!» Высаживая пассажирку между указанными домами, Серега объявил ей: «Вот семнадцатый, а вот напротив как раз восемнадцатый! Я уеду, а ты тут сама разбирайся! Полтинник с тебя, бабуля!» Старуха откуда-то из глубины складок своей длиннополой юбки достала носовой платок, завязанный узелком, и трясущимися, с выступившими синими венами, руками стала развязывать. Серега нетерпеливо наблюдал. Когда узелок поддался, на мятой ткани он увидел все пассажиркины «капиталы»: сложенная в восемь зеленоватая бумажная десятка, пара металлических пятирублевок да несколько медяков.

Старуха сосредоточенно отсчитала пятьдесят копеек и подала их Сереге.

— Ты че, бабка, офонарела?! Пятьдесят рублей давай! — захлебнулся от такой наглости Серега.

— Так ить, я на автобусе хотела, — растерянно прошептала старуха.

— Знаешь, что? Садись! Где взял, туда и верну! — еле сдерживая себя, чтобы не заматериться, запихнул он старуху и ее вещи обратно в машину. — Сейчас и за пять рублей-то оттуда на автобусе не доедешь, а ты попробуй за пятьдесят копеек!

Выгрузив старуху вместе с ее скарбом на прежнее место, он поехал потаксовать в город, может, там повезет? Везло не очень... Пару клиентов знакомая диспетчер конкурентов по дружбе подкинула, да пару опаздывающих на поезд на соседнюю станцию доставил. Вернувшись домой уже в сумерках, злой и усталый Серега сел ужинать. Лида, накрывая на стол, пожаловалась мужу:

— Перед обедом брат звонил двоюродный, Борька, ты его знаешь, изпод Орла. Им там государство после летних пожарищ домик отстроило, так он вчера свою мать, бабу Наталью, к нам отправил, говорит, что ему свою жизнь устраивать надо. А на чем отправил? Во сколько? С кем от-

правил? Я так и не поняла! Пьянящий, бубнит что-то, ничего не разберешь! Сколько ни звонила, не берет трубку.

— А сколько ей лет?

— Да, по-моему, восемьдесят три, что ли? — неуверенно ответила жена.

— Так, собирайся, поехали! — кинулся выгонять машину из гаража Серега.

Подъезжая к еле освещенной привокзальной площади, Серега увидел глубоко царапнувшую его душу картину: съежившись от холода, ровно на том самом месте, где он ее высадил несколько часов назад, сидела его дневная пассажирка...

Потом, дома, Серега, сидя за столом напротив бабы Натальи, молча наблюдал, как она окоченевшими от холода, трясущимися руками пытается взять кусок хлеба, набрать ложкой горячего супа. Лида все заботливо хлопотала возле нее: то тапочки под ноги подсунет, то шаль на плечи накинёт...

Ничего о своем дневном с Серегой знакомстве баба Наталья Лиде не сказала. Только все бормотала, извиняясь, сквозь слезы: «Да я к вам ненадолго. Вы простите меня, денег совсем нет, Боря мою пензию получает. Я ее на него перевела. Вот он устроится там, и меня обязательно забереет. Я ненадолго...»

А Серега вспомнил свою давно умершую любимую бабушку Варю... Как она ласкала его большими теплыми руками, угощала мятными тульскими пряниками с вареньем и как он ревновал ее к своим двоюродным братьям, ревел и не хотел отпускать к ним. Вспомнилось, как однажды зимой, будучи еще совсем маленьким, он шел по свежесвыпавшему снегу за ней след в след...

Серега налил бабе Наталье полстопочки водки, себе стакан, затем, махнув его залпом, вытер навернувшиеся слезы и обнял свою старенькую гостью:

— Бабуль, ты прости меня! И не переживай, разберемся! Все будет рядышком...

